

А. А. Плетнева

Епископ Августин (Гуляницкий) и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. в церковных кругах начинает активно обсуждаться вопрос о языке богослужения. В течение почти двух веков после никоновской sprawy все темы, связанные с несовершенством православного богослужения, были под негласным запретом. В 70-е годы XIX в. ситуация меняется и вопросы устава, текста и языка богослужебных книг начинают восприниматься как актуальные и волнующие. Однако теперь с позиции нового времени требования, предъявляемые к языку богослужения, уже совсем иные. Если в XVI—XVII вв. важнейшим вопросом был вопрос тождественности славянского перевода оригиналу, то со второй половины XIX в. богослужебный язык Русской православной церкви рассматривается совсем в иной плоскости. Актуальной становится проблема восприятия церковнославянского текста: язык молитвы должен быть понятен молящемуся, текст должен восприниматься без ложных интерпретаций. В русской литературе этого времени в анекдотичной форме отражены казусы языкового восприятия¹. Не случайно «жезаны и жеможаху» долгое время не сходят со страниц церковной периодики и частной переписки. Как в декларативных заявлениях, так и в опытах пересмотра славянского текста ставятся проблемы упрощения языка богослужения и приближения его к русскому литературному языку.

¹ Так протоиерей Туберозов, главный герой романа Н. С. Лескова «Собрание», записывает в своем дневнике: «Размолвился с Чемерницким на свадьбе Порохонцева. Дерзкий этот поляк, глумясь, начал расспрашивать бесхитростного Захарию, что значит, что у нас при венчании поют: „живота просиша у тебе“? И начал перекур: о каком животе здесь идет речь? Я же вмешался и сказал, что он сие поймет, если ему когда-нибудь под виселицей петлю наденут» [Лесков I: 99].

Одним из первых, кто обратился к этой теме, был еп. Екатеринославский Августин (Гуляницкий)². Еп. Августину принадлежит не только разработка принципов упрощения церковнославянского языка, но и ряд переводов с греческого на церковнославянский (см. Августин 1882 I—III, Августин 1883, Августин 1884). Анализируя его деятельность, мы можем обращаться не только к теоретическим высказываниям, но и к языковой практике.

Взгляды еп. Августина на церковнославянский язык изложены в его рецензии на изданные Н. И. Ильминским «Учебный Октоих» и «Учебный Часослов». Н. И. Ильминский³ по своему отношению к церковной книжности и языку был своеобразным антагонистом еп. Августина. Он ратовал за возвращение к языку древнейших славянских переводов, а в идеале — к кирилло-мефодиевскому переводу. С точки зрения Н. И. Ильминского, церковнославянский как классический язык принципиально не должен иметь исторического развития. Все позднейшие исправления и изменения, вносимые справщиками в церковнославянские тексты, являются в конечном счете порчей текста и искажением языка. В своей теоретической и практической деятельности Ильминский пытался доказать, что остро осознаваемая во второй половине XIX в. проблема понятности церковнославянского языка решается через архаизацию текста [Ильминский 1882: 75—82]. На первом этапе предполагалось вернуться к дониконовской версии богослужебных книг, чтобы затем, после серьезной научной работы постепенно восстановить древнейший славянский текст, который будет одинаково понятен всем славян-

² Августин (Гуляницкий) (1837—1892), еп. Екатеринославский и Таганрогский. В 1863 г. закончил Киевскую Духовную академию. Оставлен при Академии бакалавром по классу обличительного богословия. Через год принял монашество, был посвящен в иеромонахи. В 1869 г. возведен в сан архимандрита. В 1881 г. хиротонисан в еп. Михайловского, викария Рязанской губ. Собственно филологическая деятельность занимала не основное место среди трудов еп. Августина. Наиболее значительный труд, который он оставил, — «Руководство к основному богословию» — был популярным учебным пособием во многих духовных семинариях [РБС 1: 29—30].

³ Николай Иванович Ильминский, ориенталист и педагог. Закончил Казанскую духовную академию. В Дамаске, Константинополе и Каире изучал арабский, турецкий и персидский языки. Преподавал восточные языки в Казанской духовной академии. С 1872 г. Ильминский был назначен директором Казанской инородческой духовной семинарии. Для крещеных татар по его почину были организованы специальные школы. Ильминский перевел на татарский, киргизский, и другие языки ряд учебных пособий, церковные книги и отдельные богослужебные тексты.

ским народам⁴. В 80-е годы Н. И. Ильминский подготовил и издал «Учебный Октоих» и «Учебный Часослов», в которых отчасти реализовал свои лингвистические идеи. В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности подробно анализировать эти издания. Отметим лишь, что в результате работы Ильминского возникла ситуация сосуществования двух редакций Воскресного октоиха и Часослова: одна из них была предназначена для учебных целей, а другая — для богослужебных.

В 1888 г. в Трудах Киевской духовной академии появляется рецензия еп. Августина на эти книги [Августин 1888]. Судя по ее содержанию, еп. Августин не знал целей и лингвистической программы издателя. Он приписал Ильминскому свой взгляд на исправление богослужебных текстов: «Но если бы нас спросили: сделанное издателем вполне ли достаточно для той цели, которую он, по-видимому, наметил себе, т. е. *для исправления неправильных и уяснения неясных мест* (курсив наш. — А. П.) в Октоихе, или воскресных службах Октоиха, то мы должны будем с прискорбием ответить: нет, далеко, далеко недостаточно!» [Августин 1888: 79–80]. Совершенно очевидно, что неправильно определив цель исправлений, он приходит к выводу, что она никоим образом не достигнута, и задача прояснения текста не решена. «Все поправки эти — чисто этимологические; они состоят в замене полных окончаний усеченными, причастных форм речи деепричастиями, множественного числа — двойственным и т. п. Но становится ли от этих поправок хоть на йоту виднее и яснее смысл речи там, где он неясен? А эти *вшя* и *щя*, так тщательно выдержанные издателем во всем его труде, — для кого и для чего нужны они?» [Августин 1888: 83–84]. Еп. Августин полагает, что строго придерживаться грамматики древнецерковнославянского языка, как это делает Н. И. Ильминский при издании богослужебных текстов, совершенно необязательно. Формулируя этот тезис, он высказывает свой взгляд на проблему исправления церковнославянских текстов: «Неужели церковнославянский язык, на котором мы хвалим Бога, поучаемся и назидаемся во свое спасение, сделался уже для нас таким застывшим и окаменевшим, как древние классические языки, и малейшее отступление от его традиционных форм должно быть преследуемо как ошибка, как безграмотность? Мы не думаем этого; напротив, нам в высшей степени желательно, *чтобы язык этот постепенно упрощался и приближался к нашей живой речи* (курсив мой. — А. П.), и таким образом, мало

⁴ Подробнее о лингвистических взглядах Н. И. Ильминского см. [Плетнева 1998; Кравецкий, Плетнева 2001: 45–50].

по малу переставая быть тем „пугалом“, каким он кажется теперь для многих...» [Августин 1888: 84]. Итак, еп. Августин находит работу Н. И. Ильминского совершенно неудовлетворительной относительно тех целей, которые он сам ей ошибочно приписал.

Закончив разбор текстов, исправленных Н. И. Ильминским, еп. Августин излагает собственные взгляды на проблему исправления богослужебных книг. «Мы сердечно желали бы наступления такого времени, когда наши богослужебные книги легко могли бы быть читаемы и без особого труда понимаемы — не только лицами, получившими законченное богословское образование (в настоящем своем виде они и для таких лиц содержат в себе много неудоборазумительного), но и людьми среднего уровня образования, не знакомыми с древним греческим языком и разными тонкостями славянской грамматики. А для достижения этого, мы покорнейше просили бы тех лиц, которые будут приставлены к делу исправления книг, <...> кроме тщательного сличения их с греческими подлинниками и исправления по этим подлинникам, обратить также серьезное внимание на упрощение и улучшение самого славянского языка в исправляемом тексте» [Августин 1888: 91]. Далее еп. Августин излагает лингвистическую программу предполагаемого исправления богослужебных книг. Любопытно, что начавшая работу через 20 лет после написания этой рецензии Синодальная комиссия по исправлению богослужебных книг, возглавляемая архиеп. Сергием (Страгородским), во многих аспектах своей деятельности следовала идеям еп. Августина.

Еп. Августин полагал, что необходимо, отказавшись от греческого словорасположения, сблизить порядок слов в церковнославянском и русском литературном языке⁵. «Громадное большинство наших церковных стихир, ирмосов, тропарей и прочих песнопений, получили бы надлежащую ясность и вразумительность от одной перестановки в них двух-трех слов, одного на место другого» [Августин 1888: 92]. Кроме изменения порядка, с его точки зрения, необходимо также избавиться от синтаксических калек, таких как «дательный самостоятельный», «винительный + инфинитив», субстан-

⁵ Аналогичные идеи можно обнаружить в программном докладе Комиссии по исправлению богослужебных книг (1907—1917): «Непонятность текста наших богослужебных книг зависит, не считая присутствия в нем некоторых уже архаических оборотов и выражений, главным образом, от излишней буквальности перевода. <...> Соответственно этому, стремясь сделать наш богослужебный текст возможно более понятным, Комиссия старалась <...>, не заменяя слов, изменить их расстановку» [Кравецкий, Плетнева 2001: 84].

тивированный инфинитив и др.⁶ В качестве примеров возможных исправлений приводятся следующие: *воображается еже по нам от Девы* → *приемлет наш образ*; *Бог спасати* → *Бог спасения*; *рабу прегрешившу, биен бывает Владыка неповинен* → *за прегрешение раба биен бывает Владыка*; *распнешуся ти, Христе, вся тварь трепеташе* → *егда распялся еси, Христе...*; *прорекл еси Лазареву болезнь к смерти не быти* → *...яко Лазарева болезнь несть к смерти* [Августин 1888: 92–93].

Исправление лексики, предложенное еп. Августином, сводится к следующему: 1) Нужно заменить те слова, которые отсутствуют в русском литературном языке⁷ (еп. Августин называет их «непонятными»⁸). В качестве примера приводятся такие слова, как *врсноту*, *зауститесь*, *свадих*, *мишелоимство*, *здо*. 2) Исправлению также подлежат те слова, которые в русском и церковнославянском имеют разные значения. Это такие слова, как *буйство*, *доброта*, *клятва*, *прозябнути*, *удобрение* и другие подобные. Слова первого и второго рода следует заменять на синонимы, общие для церковнославянского и русского языка. «Вместо *играют ангельская воинства* следует сказать *ликуют* или *торжествуют* <...> вместо *наг есмь чертога — чужд есмь*» [Августин 1888: 96]. Если такого синонима нет, нужно выбрать подходящее русское слово. «Если в старом церковно-богослужбном тексте нас не смущают и такие выражения, как *блядивый*, *блядство*, *блядствую*; то неужели смутят кого-либо такие, например, новые русские выражения: *древо познания* (вм. *разумное*); *увечных уврачева* (вм. *вредных*); *от рабства врагу* (вм. *от работы вражия*); *Иуда враг и изменник* (вм. *льстец*); *верных украшение* (вм. *удобрение*); *превосходящ всякое разумение* (вм. *преимуц всяк ум*) *мир дарует*; *из тебе облечеса в мой состав* (вм. *мое смешение*) *Бог*; *от окрашения червленицы* (вм. *от оброшения*, или *оброщения*); *странное чудо! Пребыла еси дева, млеко питающи* (вм. *пребывши дева доящи*) и т. под.?” [Августин 1888: 97].

⁶ В программном докладе Сергиевской комиссии говорится о необходимости заменять «прямой речью такие обороты, как винительный с неопределенным, родительный самостоятельный» [Кравецкий, Плетнева 2001: 84].

⁷ В относящемся к декабрю 1907 г. докладе Комиссии по исправлению богослужбных книг говорится, что «Комиссия старалась удалить из текста слова и речения архаические („оброщение“, „оляденевший“) и искусственно сочиненные с греческого» [Кравецкий, Плетнева 2001: 84].

⁸ В дискуссиях о богослужбном языке начала XX века и в документах Комиссии по исправлению богослужбных книг эти слова называются «устаревшими».

Еп. Августин предлагает перераспределить краткие и полные формы причастий в зависимости от синтаксической функции в предложении. Полные формы должны соответствовать русским причастиям, а краткие — деепричастиям. Соответственно во фрагменте «*неискусобрачная Владычице, яже Бога во утробе зачениши, напастей и печалей всех нас избави*» вместо формы *зачениши* должна употребляться полная форма *заченшая*, а в тексте «*ко аду, Спасе мой, сошел еси, и врата сокрушивый, умерших воскресил еси*» должна, наоборот, появиться краткая форма *сокрушив*.

Предлагается также исключить употребление местоимения *иже* в функции артикля, в первую очередь в тех случаях, где *иже* предшествует косвенному падежу (*иже на свое рамо заблудшее овца вземшему и низложившему древом его грех, Христу Богу возопиим; Тебе, иже на кресте страсть подъемшаго и адову силу сокрушившаго, вернии величаем*)⁹. Предлагается также исключить из употребления формы двойственного числа: «Ныне уже немногие понимают такие выражения, как *руку мою, ногу твою, она же реста ему* и проч. Редко кто даже правильно прочитает эти выражения, — знаем это по личным многочисленным опытам» [Августин 1888: 100]. Глагольное *-ся* предлагается так же, как и в русском языке, писать с глаголом слитно. Местоимения *ми, ти, я* и подобные рекомендуется заменить соответственно на *мне, тебе, их*.

Последний раздел рецензии посвящен предполагаемым орфографическим и пунктуационным изменениям. Особое внимание еп. Августин уделяет правильной расстановке знаков препинания. «О великой важности этого дела для правильного чтения и надлежащего уразумения читаемого, думаем, нечего говорить много: это само собой понятно всякому истинно грамотному человеку. А что в тексте богослужбных книг наших (равно как и греческих) знаки препинания расставлены далеко не везде правильно, — в этом легко убедиться, прочитав две-три страницы из любой такой книги» [Августин 1888: 101]. Еп. Августин приводит примеры из богослужбных книг, где неверная расстановка знаков препинания искажает смысл текста. Кроме запятой, точки и точки с запятой еп. Августин предлагает ввести в церковные книги такие знаки препинания, как тире и кавычки. Аналогичные новшества через двадцать лет предлагалось ввести и в исправленный текст Постной Триоди. Однако Синод не

⁹ При исправлении Триоди Постной и Цветной в 1907—1912 гг. *иже* в функции артикля последовательно исключалось или заменялось на причастие от глагола *быти*.

одобрил подобного нововведения и рекомендовал оставить знаки препинания прежнего образца¹⁰.

Еп. Августин предлагает в соответствии с произношением изменить написания слов *Мариа, Антониа, Евангелиа, писмены, учени и др. на Мариа, Антониа, Евангелия, письмены, ученьми*. Предлагается также все собственные имена и наименования Иисуса Христа и Богородицы писать с большой буквы. Прежде всего это касается таких примеров, как «*Ты даждь ми слово, отчее Слово*», «*красуйся, Богородице, о восстании Рождества твоего*», «*еже прежде солнца Солнце*» и под. В этой связи еп. Августин также отмечает расхождения между московской и киевской орфографическими нормами: «Киево-печерская лавра давно уже не следует этому старинному неграмотному правописанию <писать все слова, кроме первого в стихе, со строчной буквы>; но синодальные издания почему-то еще крепко придерживаются его, словно догмата какого. В этом отношении они отступают от греческих подлинников, в которых почти все подобные указанным имена и слова начинаются обыкновенно большими буквами» [Августин 1888: 103].

По вопросу о правописании имен собственных необходимо дать небольшую историческую справку. В начале 80-х годов вопрос правописания имен собственных в церковнославянских текстах обсуждался в специальном работавшем при Синоде комитете, который возглавлял митр. Иннокентий (Вениаминов) [РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3 (1879), № 31]. Так как Киевская и Санкт-Петербургская синодальные типографии печатали богослужебные книги, выделяя имена собственные прописной буквой, а Московская типография печатала по старой норме, не выделяя имен собствен-

¹⁰ В относящемся к 1907 г. докладе Комиссии по исправлению богослужебных книг говорится: «В тех же видах сделать наш богослужебный текст наиболее понятным, проф. А. А. Дмитриевский возбудил вопрос, нельзя ли в наших богослужебных книгах ввести обычную, а не славянскую пунктуацию (то есть знаки вопросительный и восклицательный и пр.) или, по крайней мере, расставить знаки препинания соответственно смыслу речи. Теперешняя наша пунктуация часто воспроизводит греческую, имевшую целью отметить лишь стихотворные строки, и, конечно, иногда может скорее затемнить речь, чем облегчить ее понимание. <...> Комиссия решила вопрос о введении русской пунктуации представить на благосмотрение Высшей церковной власти, полагая, что если такое введение признано будет желательным, то его может сделать легко сама типография при печатании» [Кравецкий, Плетнева 2001: 85]. В ответном определении Синода рекомендуется «Пунктуацию оставить прежнего славянско-го образца, изменив лишь расстановку знаков сообразно смыслу речи» [Кравецкий, Плетнева 2001: 86].

ных¹¹, встал вопрос о том, какой единой норме необходимо следовать. Аргументы справщиков Московской синодальной типографии сводились к следующему:

1) Нет никакого смысла приспособлять старую орфографическую норму к современным вкусам, с тем же успехом можно было бы заменить обращение к Богу и святым и вместо *ты* писать *Вы*.

2) В церковнославянском языке прописные буквы имеют другую функцию: они не выделяют имена собственные, а служат указанием на начало стиха в библейских книгах. В Библии 1863 г., где прописные буквы использовались в соответствии с правилами гражданской орфографии, в некоторых случаях оказываются неразличимыми начала стихов (например Мт. 1 ст. 4, 11, 15, 16).

3) В гражданской орфографии не существует жесткого стандарта употребления прописных и строчных букв. При ориентации на гражданские книги неминуемо возникнет орфографический разнобой.

4) В церковнославянском языке функцию прописных букв выполняют знаки титла, которые служат не для сокращения слов, а для выделения *nomina sacra*.

Члены Синодального комитета были сторонниками новой нормы правописания собственных имен с прописной буквы. Их возражения московским справщикам сводились к следующему:

1) Знак титла ставится далеко не над всеми словами, обозначающими священные предметы. Такие наименования Бога как *Творец*, *Зиждитель*, *Искупитель*, *Вседержитель*, *Утешитель* и под. никогда не писались сокращенно.

2) В используемой справщиками Московской типографии в качестве справочника рукописи *Алфавит*¹², относящейся к первой половине XVII в., содержится значительное количество ошибочных написаний: так например имена *Феодор*, *Феофан*, *Феофил* предписывается писать через букву ферт, а *Филипп*, *Филофей*, *Филимон* — через букву фита, а должно быть наоборот¹³. Ссылки на *Алфавит* как на нормативный документ не являются корректными, так как эта рукопись не отражает ни мнения церковного собора, ни позицию какого-либо авторитетного лица в церковной иерархии.

¹¹ Исключения составляли имена членов царствующего дома, которые набирались особым жирным шрифтом.

¹² На использование этой рукописи справщиками Московской синодальной типографии указывает также Н. Романский [1907: 101]. Пока не удалось установить, о какой именно рукописи здесь идет речь.

¹³ Вообще говоря, правописание имен в *Алфавите* не является ошибочным. В церковных книгах первой половины XVII в. нет жесткого распределения букв в соответствии с правилами греческого языка. Оно появляется позже, в связи с никоновской справой.

Синод, рассмотрев аргументы сторон, постановляет принять норму Московской синодальной типографии как общеобязательную. Имена собственные в книгах Санкт-Петербургской, Киевопечерской и Почаевской типографий должны были отныне печататься со строчной буквы. Это решение Синода вызвало определенную оппозицию. Среди тех, кто выступал против московской орфографической нормы¹⁴, был и еп. Августин.

Взгляды еп. Августина на язык богослужения были реализованы на практике. Им были переведены с греческого на славянский и опубликованы в «Душеполезном чтении» Великий канон Андрея Критского, Каноны на Пятидесятницу, Преображение, Вознесение, Успение, Рождество Христово, Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение, Богоявление, Сретение Господне, Благовещение, на Неделю вайй, Страстную седмицу, Пасху [Августин 1882 I—IV, Августин 1883, Августин 1884].

Переводы еп. Августина в целом ориентированы на стандартную церковнославянскую грамматику (сохраняются специфические формы прошедшего времени, усеченного именительного падежа причастия, звательного падежа существительного и под.). Однако по сравнению со стандартным церковнославянским текстом эти переводы воспринимались современниками как более простые и понятные. Одним из основных отличий языка переводов является то, что еп. Августин не следует принципу пословного перевода: порядок слов не соответствует греческому оригиналу, он приближен к порядку слов русского литературного языка.

<i>Греческий текст</i>	<i>Стандартный церковнославянский текст</i>	<i>Перевод еп. Августина</i>
<p>Διό σου ταχ̄ τίμια ἀνυμνοῦμεν Παθ̄ή- ματα, καὶ δοξάζομεν Σωτήρ, τὴν ἄκραν σου πάντες συγκατάβασιν</p>	<p><i>Темже честная твоя воспеваем страдания, и славим Спасе, край- нее твое вси сходжение</i> (Страстная неделя, Вел. пон., повечерие, трипеснец седален)</p>	<p><i>Темже воспеваем вси честная страдания твоя, Спасе, и славим крайнее твое снисхож- дение</i></p>

¹⁴ Определение Синода не было опубликовано, поэтому дискуссия не могла выйти за пределы узкого круга справщиков и специалистов по церковнославянскому языку. Репликой в этой полемике является статья Н. Романского [Романский 1907]. Показательно, что действующая в начале XX века Комиссия по исправлению богослужебных книг последовательно придерживалась московской нормы.

Τῷ ἀθανάτῳ Νυμφίῳ
Χριστῷ, ὑμνοῖς
Εὐλογεῖτε βοῶντες,
τὰ ἔργα Κυρίου τὸν
Κύριον

Τοῖς Μαθηταῖς ὁ
ἀγαθός, γρηγορεῖτε
ἔφησας: ἢ γὰρ ὥρα
ἦξει ὁ Κύριος,
ἀγνοεῖτε

Ἵνα παθῶν, φλογμὸν
κατασβέσης, δακρῦων
ἔβλυζες αἰεὶ, ὄχετοῦς
Μαρία, ψυζήν πυρ-
πολουμένην

*Безсмертнаго жениха
Христа пением усра-
щим, благословите, во-
пиюще, дела Господня
Господа (Страстная
неделя, Вел. вторн.,
утро, двупеснец П.8)*

*Учеником Благий, бди-
те, рекл еси, воньже
час придет Господь,
не разумеете (Страст-
ная неделя, Вел. вт.,
утро, двупеснец П.9)*

*Да страстей пламень
угасиши, слез капли ис-
точила еси присно Ма-
рие, душою распалема
(Великий канон, четв.
П.6)*

*Сретим песньми без-
смертнаго Жениха —
Христа, вопиюще: бла-
гословите дела Господ-
ня Господа.*

*Бдите, рекл еси,
Блаже, учеником
(твоим) не весте бо,
в оньже час Господь
придет*

*Да угасиши пламень
страстей, Марие,
душею распалема
присно источала еси
капли слез*

При переводе еп. Августин избегает употребления местоимения *иже* в функции артикля.

*Стандартный церковнославянский
текст*

*Хотяи̑ страстей нас избавити, и
еже во аде осуждения (Страстная
неделя, Велик. пон., повечер., три-
песнец, седален)*

*Оскверних̑ плоти моя̑ ризу, и ока-
лях̑ еже по образу спасе и по подо-
бию (Великий канон, пон. П.2)*

*Согреших̑, Господи, согреших̑ Тебе,
очисти мя: несть бо иже кто согре-
ши в человецех, егоже не превзыдох̑
прегрешеньми (Великий канон,
вт. П.3)*

Перевод еп. Августина

*Хотяи̑ избавити нас от страстей и
осуждения адского*

*Оскверних̑ ризу плоти моя̑ и ока-
лях̑, Спасе, твой образ и подобие*

*Согреших̑, Господи, согреших̑ пред
Тобою, буди милостив мне. Несть
бо грешника в человецех, егоже не
превзыдох̑ прегрешеньми*

Глагольное управление в переводах еп. Августина всегда организовано по русской, а не по церковнославянской модели.

<i>Стандартный церковнославянский текст</i>	<i>Перевод еп. Августина</i>
<i>хотяй страстей нас избавити</i> (Страстная неделя, Вел пон., пове- чер., трипеснец седален)	<i>хотяй избавити нас от страстей</i>
<i>помощь от скорби (Великий канон, четв. П.7)</i>	<i>помощь в скорби</i>
<i>страхом кающаяся и любовию зовуща</i> (Великий канон., четв. П.8)	<i>кающегося со страхом и вопиющего с любовию</i>

В своих переводах еп. Августин избегает тех церковнославянских слов, которые отсутствуют в русском языке или имеют значение, не совпадающее со значением русского слова. Лексика его переводов более близка лексике русского литературного, а не церковнославянского языка.

<i>Стандартный церковнославянский текст</i>	<i>Перевод еп. Августина</i>
<i>лестныя помыслы (Великий канон, четв. П. 6)</i>	<i>обольстительныя помыслы</i>
<i>вся помрачися доброта (Великий канон, четв. П. 7)</i>	<i>вся красота помрачися</i>
<i>растлих заповедь Твою (Великий канон, четв. П. 7)</i>	<i>наруших заповедь Твою</i>
<i>исчезоша дние мои, яко соние воста- ющего (Великий канон, четв. П.7)</i>	<i>исчезоша дние мои, яко сновидение пробуждающегося</i>
<i>прозябнет ветвие (Страстная неделя, Вел. понед., повечерие, трипесн. П. 9)</i>	<i>израстят листовие</i>
<i>безсмертнаго жениха усрящем</i> (Страстная неделя, Вел. вторн., утр., двупесн. П.8)	<i>сретим безсмертнаго Жениха</i>

Опубликованные в «Душеполезном чтении» переводы еп. Августина воспринимались современниками как упрощенные по языку и, следовательно, более понятные. Высокую оценку этим переводам

дал святитель Феофан Затворник. В одном из частных писем в октябре 1884 г. он писал: «Что касается до лучшего перевода богослужебных книг, то об этом я так думаю: наши богослужебные книги — неоцененное сокровище молитв, догматствования православного и нравоченья. Потому их надлежит блюсти и соблюсти в том же духе, как есть. Но перевод их следует улучшить — или снова перевести, не на русский, а на славянский же, только чтобы изложение было понятно. В этом роде перевод уже начат в Душеполезном чтении... Там уже переведены некоторые праздничные службы на славянский понятный язык, канон св. Андрея Критского и по временам продолжается сие. — Так и все надо перевести. Чтобы из-за этого вышло что раскольническое, нечего бояться. Прошло время» [Корольков 1915: 301]. Если бы отзыв свят. Феофана был напечатан вскоре после написания, он мог бы повлиять на распространение переводческих идей еп. Августина.

* * *

Рассмотренный материал позволяет говорить о специфике церковнославянского¹⁵ языка переводов еп. Августина. Этот язык ориентирован на церковнославянскую морфологию и русские синтаксис и лексику. Можно сказать, что морфология, которая является наиболее значимым языковым уровнем при разграничении родственных языков, в наименьшей степени определяет понятность текста.

Еп. Августин (Гуляницкий) был далеко не единственным, кто в это время думал об упрощении богослужебного языка. В конце XIX — начале XX в. для многих церковных деятелей именно такой вариант богослужебного языка рассматривался как оптимальный. С одной стороны, не происходило резкого разрыва с многовековой церковнославянской традицией, с другой — налицо было сближение с русским литературным языком, что делало сложные для понимания богослужебные тексты более простыми и прозрачными. Сходные идеи высказывались многими церковными и светскими деятелями в ходе полемики о специфике богослужебного языка, развернувшейся на страницах церковной и светской печати в 1905—1907 годах¹⁶. В том же направлении работала и Сергиевская комиссия по

¹⁵ В публицистических статьях о языке богослужения такой вариант церковнославянского языка называется новославянским. Этот термин используется достаточно широко (см., например [Городцев 1911: 142; Отзывы I: 101, III: 43; IV: 257]).

¹⁶ В Отзывах епархиальных архиереев многие правящие архиереи высказывали свое мнение по вопросу богослужебного языка. Еп. Могилевский

исправлению богослужебных книг в 1907—1917 гг. [Кравецкий, Плетнева 2001: 74—124]. Мы не можем утверждать, что декларации и переводы еп. Августина повлияли на выработку лингвистических программ этой комиссии. Скорее можно говорить, что еп. Августин одним из первых осмыслил и выразил те требования к богослужебному языку, которые характерны для последующего периода истории.

Опубликованные источники и литература

- Августин 1882 I — *Е. А. Канон великий св. Андрея Критского в новом переводе на церковнославянский язык // Душеполезное чтение* 1882. Т. I. С. 232—261.
- Августин 1882 II — *Е. А.-н. Каноны на Пятидесятницу, на Преображение и на Успение в новом переводе на церковнославянский язык // Душеполезное чтение*. Т. II. С. 73—79, 394—409.
- Августин 1882 III — *Е. А.-н. Каноны на Рождество Пресвятой Богородицы и на Воздвижение Креста Господня // Душеполезное чтение*. Т. III. С. 86—100.
- Августин 1882 IV — *Каноны на Рождество Христово*. Т. III. С. 427—434.
- Августин 1883 — *Еп. Августин (Гуляницкий)*. <Переводы на славянский язык>. Богоявление, Сретение Господне, Благовещение, Неделя ваий, Страстная седмица, Пасха // *Душеполезное чтение* 1883. Т. I. С. 3—10, 182—186, 281—287, 409—447.
- Августин 1884 — *Еп. Августин (Гуляницкий)*. <Переводы на славянский язык>. Канон на Вознесение // *Душеполезное чтение* 1884. Т. II. С. 41—48.
- Августин 1888 — *Еп. Августин (Гуляницкий)*. По поводу издания «Учебного Октоиха» и «Учебного Часослова» // *Труды Киевской духовной академии* 1888, № 11. С. 75—103.

Стефан (Архангельский) так характеризует новый вариант богослужебного языка: «И потому — дело насущной и первой необходимости: новый капитальный перевод наших богослужебных книг на новославянский язык, подобный языку чина литургии или Евангелия, с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской» [Отзывы I: 101]. Еп. Нижегородский Назарий (Кириллов) развертывает целую программу необходимых лингвистических исправлений богослужебного текста. Среди прочего он пишет: «Древние переводчики делали обыкновенно подстрочный перевод, удерживая во всей точности строй и порядок греческой речи, даже стихотворный; но это делалось в ущерб удобопонятности перевода. Кроме того, древние переводчики пользовались славянской речью своего времени и употребляли выражения, не всегда соответствующие точному смыслу подлинника. Есть немало выражений, которые без словаря или иного перевода нельзя никак понять; есть и такие выражения, которые получили в нашем употреблении иной смысл и режут наше ухо („блядивый“, „окаянный“»)» [Отзывы II: 459].

- Городцев 1911 — *Прот. П. Городцев*. Религиозно-церковные вопросы. СПб., 1911.
- Ильминский 1882 — *Ильминский Н. И.* Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия. Казань, 1882.
- Корольков 1915 — *Корольков И. Н.* Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке // Труды Киевской духовной академии. 1915, июнь.
- Кравецкий, Плетнева 2001 — *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX—XX в.). М., 2001.
- Лесков I—XII — *Лесков Н. С.* Собр. соч. в 12 томах. М., 1989.
- Отзывы I—IV — Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1—3 + дополнение. СПб., 1906.
- Плетнева 1998 — *Плетнева А. А.* Дискуссии о церковнославянском языке в конце XIX в. Позиция архаизаторов // ВЯ 1998, № 5. С. 67—73.
- Романский 1907 — *Свящ. Н. Романский*. Наши богослужебные книги со стороны орфографии // Христианское чтение 1907, июль. С. 97—105.
- РБС 1 — Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896.
- Сове 1970 — *Сове Б. И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX—XX веках // Богословские труды. М., 1970. Сб. V.